

Внизу кто-то недовольно возмутился:

— Чу Сяннань, это уже слишком. Что значит «ни копейки больше»? Неужели мы, столько работавшие на благо семьи Чу, не заслужили даже дополнительного вознаграждения?

Чу Сяннань усмехнулся:

— Я специально спросил, есть ли ещё что-то, о чём нужно поговорить. Вы же не упомянули о дополнительном жаловании.

— Тогда мы сейчас заявляем: дайте каждому из нас по тридцать лян серебра!

— Именно! Нельзя же так просто проработать столько дней!

— Да, да!

Остальные, пользуясь тем, что Чу Сяннань был всего лишь неопытным юнцом, начали дружно поддерживать.

— Но ничего не поделать. Вы сами только что сказали: «Молодой господин, который всё ещё учится, даже себя прокормить не может». Я действительно не могу прокормить себя, так что уж тем более не смогу содержать вас.

Все замолчали, словно подавившись.

— Вместо того чтобы тратить время на препирательства со мной, лучше поторопитесь поискать другую работу. Я точно не смогу платить вам больше, но другие семьи могут. — Чу Сяннань, скрестив руки за спиной, смотрел на них, слегка приподняв изящный подбородок, и в его чёрных глазах читалась насмешка. — Хотя сейчас вы все вместе требуете у меня жалование, скоро вы уже не будете на одной лодке. Если кто-то из вас найдёт работу раньше других, вам может не так повезти.

Не дожидаясь возражений, Чу Сяннань обратился к Чан Гэ:

— Сегодня выплаты им жалование за месяц и заставь всех завтра же убраться отсюда.

— Если кто-то станет упрямым, — он положил руку на меч, висящий у Чан Гэ на поясе, и произнёс низким голосом, — разрешено вытащить меч.

Чан Гэ усмехнулся и бодро ответил:

— Слушаюсь!

На следующий день слуги действительно быстро собрали вещи и бросились искать новую работу, и огромный дом семьи Чу внезапно опустел.

Чу Сяннань зевнул и спросил стоящего рядом Чан Гэ:

— На сколько дней мы попросили отпуск в академии?

— На пять. Завтра уже нужно возвращаться.

Чу Сяннань кивнул.

Чан Гэ, глядя на него с распущенными чёрными волосами, лежащего на мягком ложе и лениво обмахивающегося веером, не удержался и спросил:

— Может, нанять новых слуг?

Чу Сяннань бросил на него взгляд:

— У тебя есть деньги?

— ...Нет.

— Вот и всё. Я едва могу содержать нас двоих, так что уж точно не смогу заботиться о других.

Чан Гэ заколебался:

— А ты умеешь готовить?

Чу Сяннань даже не поднял головы, ответив решительно:

— Конечно же нет.

Он на мгновение замер, затем резко посмотрел на Чан Гэ:

— Ты разве не умеешь?

Чан Гэ печально покачал головой.

Чу Сяннань промолчал. Просчитался.

Они направились на кухню, чтобы посмотреть, что осталось из продуктов, и попытаться хоть как-то утолить голод.

Ещё не открыв дверь, Чан Гэ услышал шорох внутри. Они замерли, переглянулись. Чан Гэ жестом велел Чу Сяннаню молчать, одной рукой прикрыл его за собой, а другой тихо схватился за рукоять меча и открыл дверь.

Человек внутри, услышав звук открывающейся двери, обернулся.

Чан Гэ произнёс:

— Тётушка Цю?

Тётушка Цю улыбнулась добродушно:

— Проголодались? Давайте, я только что приготовила еду.

Она отступила в сторону, обнажив стол, уставленный бело-голубыми фарфоровыми мисками и тарелками разных размеров. На столе были варёные пельмени с креветками, курица с побегами бамбука, прозрачный суп с белыми грибами, суп с яйцом и грибами. Некоторые блюда ещё дымились, и от их вида у обоих заурчало в животе.

Чу Сяннань и Чан Гэ наперебой стали переносить еду на стол, и вскоре все трое уселись, готовясь приступить к трапезе.

Чу Сяннань с восхищением произнёс:

— Не ожидал, что сейчас мы сможем поесть так хорошо.

Чан Гэ не обращал на него внимания, быстро и яростно хватая еду палочками.

Тётушка Цю улыбнулась:

— Я вижу, что молодому господину нужно подправить здоровье, поэтому приготовила получше. Завтра же нужно возвращаться в академию, верно? Поешьте как следует, чтобы не отстать в учёбе.

Чу Сяннань кивнул в ответ. Только он помнил, что в прошлой жизни в этот момент рядом с ним остался только Чан Гэ, а тётушка Цю не была здесь.

— Чан Гэ, — спросил Чу Сяннань, — ты разве не выплатил тётушке Цю жалование?

Чан Гэ, с набитым ртом, пробормотал:

— Выплатил.

Чу Сяннань с отвращением посмотрел на него.

Тётушка Цю сама заговорила:

— Это я в последний момент решила остаться. Вы оба ещё дети, как вы сможете о себе позаботиться? Мне, старой женщине, не нужно зарабатывать на жизнь, так что я решила остаться и присмотреть за вами.

Чу Сяннань, хоть и был удивлён, всё же искренне поблагодарил её вместе с Чан Гэ.

Тётушка Цю махнула рукой:

— Что вы, семья Чу всегда хорошо ко мне относилась. Как я могу быть такой же бессердечной, как те, кто разбежались в трудную минуту.

Чу Сяннань смущённо произнёс:

— Но у меня действительно нет лишних денег для вас, тётушка Цю.

Чан Гэ, услышав это, молча положил палочки.

Тётушка Цю засмеялась:

— Глупые вы, дети. Если бы я хотела этих денег, давно бы ушла из семьи Чу. Я проработала здесь дольше всех, наверное, уже больше двадцати лет. Я ведь вас обоих вырастила, как я могу вас бросить?

Увидев, что оба юноши всё ещё не притрагиваются к еде, тётушка Цю сказала:

— Ладно, вы уже голодные, скорее ешьте.

Чу Сяннань взял палочки и вздохнул. В прошлой жизни он отправился к дяде, а затем вместе с Чан Гэ переехал в дом Гуань Юэ. А что теперь? К дяде он точно не пойдёт, так как же им жить дальше?

Днём они втроём привели в порядок дом семьи Чу. Чу Сянань всё ещё был слаб, и после вечернего омовения лёг в постель, полностью обессиленный. Он укутался в одеяло, глядя на висящую в тёмном ночном небе луну, и мысли его начали путаться.

Завтра он вернётся в академию и снова увидит Гуань Юэ. Чу Сянань закрыл глаза. Он точно не будет иметь с ним никаких дел.

На следующий день, в час Мао, Чу Сянань встал рано. Всё же он был ещё молодым, и после хорошего отдыха ночью его здоровье значительно улучшилось. Лицо его уже не было таким бледным, как вчера, а губы обрели румянец. Он достал нефритовую корону, аккуратно завязал свои чёрные волосы, оставив их часть свободно ниспадать на спину. Белоснежный шёлковый халат был подпоясан светло-голубым нефритовым поясом, подчёркивая его тонкую талию. Вышивка на халате из голубых нитей была изысканной и красивой, добавляя холодной элегантности его облику.

Был май, конец весны, и всё вокруг уже ожило. Небо было ясным, птицы на ветвях деревьев звонко щебетали, а дикие цветы вдоль дороги пышно цвели. Друзья, по которым он так скучал, были рядом. Чу Сянань с двумя книгами в руках и Чан Гэ неспешно шли по дороге в академию, глядя на знакомые лавки и прилавки по сторонам, и давно забытое чувство принадлежности снова наполнило его.

Чан Гэ, играя с мечом, спросил:

— Справишься сам с молодым господином из семьи Гуань?

Чу Сянань вздохнул:

— Я сам поблагодарю Гуань Юэ, но в гости идти не нужно.

— Я же говорю, большую часть дня ты будешь проводить в академии, так что заведи себе больше друзей, — сказал Чан Гэ. — Иначе будешь целыми днями сидеть с каменным лицом, и с тобой будет неинтересно.

Чу Сянань кивнул, отмахнувшись:

— Знаю, ты уже столько раз это повторял, что у меня в ушах звенит.

Чан Гэ с досадой произнёс:

— А толку? Я и так знаю, что ты в академии целыми днями сидишь с холодным лицом, как ледышка!

Чу Сянань ответил:

— Но есть разница. Меня зовут Сянань, а я люблю тепло.

Чан Гэ промолчал.

Чу Сянань продолжил:

— А что будешь делать ты, теперь, когда дома делать нечего?

— Потренируюсь с мечом, — пожал плечами Чан Гэ. — Ты не силен в боевых искусствах, только в стрельбе из лука. Если я не буду совершенствовать свои навыки, то мы вдвоём даже не

сможем справиться с грабителем.

Когда величественные ворота академии уже были близко, Чан Гэ остановился.

— Иди, я подожду, пока ты войдёшь.

Чу Сяннань посмеялся над ним:

— Какая сентиментальность.

Чан Гэ разозлился и стукнул его рукоятью меча:

— Доброе сердце заслужило только презрение! Если бы ты не был ещё слаб, я бы тебя не провожал!

Чу Сяннань парировал:

— Такой злой, осторожно, не найдешь себе жену.

Чан Гэ фыркнул:

— Если я не найду, то и ты не найдёшь. Мы будем стареть в одиночестве вместе.

— Кто сказал, что я хочу стареть с тобой? — сказал Чу Сяннань. — Ладно, я иду, не забудь встретить меня после обеда.

Чан Гэ помахал рукой:

— Знаю.

Когда Чу Сяннань снова вошёл в Академию Боя, в его сердце появилось чувство облегчения. Раз уж Небо дало ему второй шанс, он будет наслаждаться этой возвращённой жизнью.

<http://bllate.org/book/16491/1498698>